

СОЛНЦЕ

РОССИИ

Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антона Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Дача А. П. Чехова въ Ялтѣ.

Изъ воспоминаній.

В. В. Лужскаго.

При жизни Ант. Павл. Чехова мнѣ пришлось участвовать въ его пьесахъ: «Чайка» (Соринъ), «Дядя Ваня» (Серебряковъ и «Три сестры» (Андрей). Назначилъ онъ мнѣ въ одномъ изъ пьесъ къ В. И. Немировичу-Данченко роль Епиходова въ «Вишневомъ Садѣ», но роль эту играть мнѣ не пришлось.

Познакомили Ант. Павл. съ нами,—артистами Художественнаго театра, въ годъ открытія его, осенью, въ Охотничьемъ клубѣ на Воздвиженкѣ, на репетиціи «Чайки». Знакомилъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, ставившій пьесу и, значить, въ этотъ вечеръ, ведшій репетицію. Ант. Павл. и я съѣхались на извозчикахъ у подъѣзда клуба; я, никогда его раньше не видѣвшій, догадался, что это онъ, припомнилъ одинъ изъ его портретовъ, которые впрочемъ въ то время далеко не были такъ популярны, какъ теперь. Помнится мнѣ, что уже въ второй комнатѣ клуба къ Ант. Павл. подошелъ мой товарищъ Ал. Леон. Вишневскій и, представившись ему, сталъ напоминать ему, что они вмѣстѣ учились въ Таганрогской гимназіи. Чеховъ, кажется, очень этимъ заинтересовался, по крайней мѣрѣ, лицо его заискрилось лучезарной улыбкой и они съ Вишневскимъ, очень оживленно разговаривая, вошли въ залу, гдѣ собрались участвующіе въ репетиціи. Тутъ помнится, были Роксанова (Нина), Книпперъ (Аркадія), Раевская (Шамраева), Лилина (Маша), Мейерхольдъ (Константинъ), Тихомировъ (учитель), Станиславскій (Тригоринъ) и, кажется, Судьбининъ, который долженъ былъ репетировать Шамраева, хотя я, можетъ быть, уже что-нибудь путаю, но распределение ролей было сначала не то, въ которомъ шелъ первый спектакль. Кромѣ названныхъ лицъ, на репетиціи были А. С. Суворинъ и артистка театра Литературно-Художественнаго общества г-жа Дестомбъ, которая въ ту же репетицію помогала за кулисами лѣпить амфоры для Антигоны, супруга завѣдующаго бутафоріей театра Ив. Ив. Геннерга. Сколько мнѣ помнится, мы проиграли на репетиціи весь первый актъ и часть второго, планировка уже была прислана К. С. Станиславскимъ. Послѣ этого были еще — тамъ же въ клубѣ — двѣ репетиціи въ присутствіи автора. Антонъ Павловичъ къ первоначальной моей работѣ надъ ролью Сорина, о которой я предварительно говорилъ и совѣтовался съ Вл. Ив. Немировичемъ-Данченко, отзывался одобрительно, сказавъ: «кто у Васъ чудесно выйдеть, а когда я буду играть съ нимъ, о гримѣ Сорина, то Ант. Павл. припомнилъ лицо моего друга, сказавъ, что «вотъ лицо, гдѣ ища Кони, Завадскаго... Завадскаго,— это очень хорошо».

«Дядю Ваню» Ант. Павл. смотрѣлъ въ исполненіи Художественнаго театра.

твенного театра в первый раз в Крыму, в Севастопольском театре.

А. Р. Артему всегда очень трудно было говорить фразу в III акте: «брат моего, Григория Ильича жены братъ, Константин Трофимович Лакедемонъ», а в «Чайкѣ» фраза Константина: «Семень Семенович увѣряеть, будто видѣлъ Нину въ полѣ» почему-то смѣшила Вишнева и меня.

И объ Артёмѣ, и о фразѣ в «Чайкѣ» было нами рассказано Ант. Павл., и вотъ, когда послѣ этого онъ бывалъ на спектаклѣ, то въ этомъ мѣстѣ всегда покашливалъ и подхихикивалъ. Исполненіемъ А. Р. Артема онъ всегда оставался больше чѣмъ доволенъ и относился къ нему съ трогательной нѣжностью, но мнѣ кажется, не безъ умысла писалъ ему въ «Трехъ сестрахъ» фразы: «Это Скворцовъ кричитъ, секундантъ. Въ лодкѣ сидитъ». Слова «кричитъ» и «сидитъ» нѣрѣдко путали чудеснѣйшаго исполнителя Чебутыкина, и, если это случалось на спектаклѣ въ присутствіи Ант. Павл., то послѣ, при упоминаніи о перестановкахъ Артёма, Ант. Павл. необыкновенно добродушно и вмѣстѣ съ тѣмъ лукаво хохоталъ.

Первыя представленія «Трехъ сестеръ» прошли тоже безъ Ант. Павл. Онъ сталъ смотрѣть пьесу осенью слѣдующаго сезона на репетиціяхъ, дѣлалъ замѣчанія настолько подробныя, что даже лично ставилъ сцену пожара въ III актѣ. Мною на репетиціяхъ остался недоволенъ, позвалъ меня къ себѣ и очень подробно, съ остановками и разъясненіями, прошелъ роль Андрея. Такихъ занятій съ Ант. Павл. у меня было не менѣе трехъ, каждый разъ онъ занимался со мною не менѣе часа. Онъ требовалъ, чтобы въ послѣднемъ монологѣ Андрей былъ очень возбужденъ. «Онъ же чуть не съ кулаками долженъ грозить публикѣ!» Жилъ тогда Чеховъ на Спиридоновкѣ, во дворѣ, въ одноэтажномъ флигелѣ.

Въ «Трехъ сестрахъ» при поднятій занавѣса, по замыслу К. С. Станиславскаго поютъ, птицы. На звукахъ этихъ обыкновенно стоялъ самъ К. С. Станиславскій, А. Л. Вишневскій, И. М. Москвинъ, В. Ф. Грибунинъ, Н. Г. Александровъ и я, зоркую голубемъ. Ант. Павл. прослушалъ все это безъянытность и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Послушайте, чудесно воркуете, только же это египетскій голубь!» А на портретъ отца сестеръ — генерала Прозорова (я въ гримѣ старика-генерала) замѣтилъ: «послушайте, это же японскій генераль, такихъ же въ Россіи не бываетъ!»

Какъ-то на вечерѣ, въ квартирѣ Ант. Павл., въ д. Коровина на Петровкѣ, вскорѣ послѣ перваго спектакля «Вишнева Сада», одинъ изъ гостей—поэтъ Б. сталъ декламировать свои стихотворенія. Ант. Павл. то появлялся въ комнату, гдѣ декламировалъ поэтъ, то переходилъ къ намъ, сидѣвшимъ рядомъ въ комнатѣ и оттуда слушавшимъ поэта. Когда Б. дошелъ до стихотворенія, гдѣ упоминается объ озерѣ и лебедяхъ, онъ наклонился къ намъ, сидѣвшимъ на диванѣ и сказалъ вполголоса: «если бы сейчасъ кто-нибудь продекламировалъ изъ Лермонтова, то отъ него бы (онъ указывая глазами на соседнюю комнату) ничего не осталось».

Между прочимъ, въ ту самую весну, когда въ театрѣ «Парадизъ» Антономъ Павловичемъ смотрѣлъ «Чайку», мой знакомый, московскій литераторъ А. С. Грузинскій-Лазаревъ, который жилъ со мною на одномъ дворѣ, на дачѣ, въ Петровско-Разумовскомъ, получилъ записку отъ Ант. Павловича, въ которой тотъ просилъ его придти въ садъ Лентовскаго, теперь Аквариумъ на Садовой, и захватить и меня съ собою. Антономъ Павловичемъ былъ въ тотъ вечеръ мало разговоровъ, все время возвращался къ исполненію одной изъ главъ «Чайки» въ «Чайкѣ», который былъ мало доволенъ.

Мельница на Лукѣ.

А дорогой домой разговорился и все время просилъ меня повлѣять на А. С. Грузинскаго, чтобы тотъ написалъ водевилъ: «скажите же ему, чтобы онъ бросилъ «Будильникъ» (А. С. былъ секретаремъ редакціи журнала), и потомъ, когда я видѣлся съ Антономъ Павловичемъ въ Крыму, въ гости ницѣ Ветцель, эта мысль, чтобы А. С. Грузинскій написалъ водевилъ, не покидала его, онъ все говорилъ: «увидите Лазарева, уговорите же его писать водевилъ, онъ же чудесно напишетъ, онъ же порядочный человѣкъ и литераторъ настоящій!»

Послѣдній разъ я встрѣтилъ Антона Павловича числа 29 или 30 мая 1904 года на Тверскомъ бульварѣ. Антономъ Павловичемъ катался по Москвѣ съ женою, Ольгой Леонардовною, на извозчикѣ. Въ то же лѣто, 2-го іюля, Антона Павловича не стало.

В. Сидя

„Тамъ заводь“—ниже мельницы на Лукѣ—излюбленное мѣсто Антона Павловича для рыбной ловли.